

Памяти друга

(К 70 летию со дня рождения [Георгия Ешимова](#))

Я познакомился с Георгием Карожановичем в 1997 году на одном из этажей редакции «Сургутской трибуны», что по ул. Маяковского. Ешимов прислал стихи. Обращали на себя внимание следующие строки:

*Шмеля ошалевшего веткой
Спешишь отогнать от виска.
Вот так же июньским рассветом
За Бугом гудели войска...
(Погранполоса)*

Стихи показались интересными и я позвонил автору.

Лысоватый человек среднего роста, одетый в мягкий, серый пиджак и светлую рубашку с галстуком, доброжелательно щурил весёлые карие глаза. Смуглое лицо с выразительными бровями, с чуть загнутым книзу носом и улыбчивыми губами делало его слегка похожим на молдаванина. Манера общения Георгия Карожановича была совершенно интеллигентской. Договорились, что будем встречаться на заседаниях литературного объединения «Северный огонёк». Позднее он принёс рукопись, которую мы прочли и обсудили.

К моменту нашего знакомства город уже знал Николая Шамсутдинова, Пётра Суханова, Никона Сочихина, Дмитрия Сергеева. Все – поэты, члены Союза писателей России. Но покровительством городской администрации пользовались в основном выпускники Литературного института им. Горького Шамсутдинов и Суханов. Сергеев, историк по образованию, почти полностью занятый журналистикой, держался особняком. Литературное объединение «Северный огонёк» посещали Сочихин, Сидоров и я. Ешимов органично влился в нашу компанию.

До первой небольшой книжки, вышедшей в следующем году, Георгий Карожанович напечатал стихотворения «Песня кипчака» и «Витязь» в альманахе «Эринтур» да одну вещь в газете «Вестник», хотя в молодости, будучи студентом Ленинградского горного института, занимался в студии Александра Городницкого.

Что побудило его вновь загореться поэзией на шестом десятке? Семьянин и владелец дачного участка, состоявшийся ученый – кандидат технических наук, патентовед, автор множества изобретений, Ешимов, казалось, был самодостаточен. Может быть, причина действительно в том, что: «...Север даёт потрясающие переживания, глубокие и сильные» (Алла Цукор). Будучи весьма одарённым, этот человек имел за плечами опыт геолога, нефтяника, автомобилиста... Утверждал, что с детства заражён морской романтикой.

*Вновь надену тельняшечку рваную
И, поскольку душе моря хочется,
Пусть сургутская Мелик-Карамова
Надо мной парусами всполощется...
(Сухопутный моряк)*

Вероятно, Ешимова освежала атмосфера творческого общения, раскрывшаяся на «субботах» литературного объединения, которое в те времена собиралось при редакции «Северо-Сибирского регионального книжного издательства». По его собственному признанию, коллектив «Северного огонька» – то редкое место, где умеют обходиться без сплетен и интриг, никто никого не «подсиживает». Для его деликатной природы это был просто клад.

Часто Георгий Карожанович приносил тонкую папочку белой бумаги. На листах была

распечатана подборка новых стихотворений. Он молча подкладывал рукопись на стол, готовый к творческому обсуждению. Рукопись в четырёх-пяти экземплярах тут же расходилась по рукам.

Не все легко и сразу воспринимали насыщенность ешимовских стихов. Мало того, что он использовал производственную лексику нефтяных промыслов и геологических изысканий, мало географической широты его кругосветных интересов, он ещё проникал в исторические глубины становления государства российского.

Его занимали времена всех войн, тевтоны, турки-сельджуки и татарские ханы, куликовское сражение и грюнвальдская битва, новые трактовки восхождения на престол Петра Первого и кончины императора Павла, судьбы Кутузова, Брусилова, Жукова, Сталина, и бесконечное множество других тем.

*«На штык!» — суровым был Суворов:
Пехотный Апеиронский полк
Бесшумно вражьи сняв дозоры,
Сорвал турецких флагов шёлк.
(«На штык!» — суровым был Суворов...)*

Конечно, это контрастировало с любовной, домашней или огородно-дачной тематикой стихотворений для детей, которые приносили скромные поэтессы. Помню скептически поджатые губки одной из них:

«Сергей Егорович, но я ничего не понимаю в его стихах!» Что делать, порой мы точно так же не понимаем всей диалектики любовного сюжета, расписанного на добрые четверть авторского листа. А сколько баллад и сонетов о любви публиковалось и публикуется только оттого, что в них многозначительно говорится о неуловимом?

Энциклопедическая широта планетарных интересов Георгия Карожановича не мешала ему временами выводить мелодичные, выразительные и образные интонации.

*Вдоль России кольцо проводов и дорог,
И за солнцем спешит поездной говорок:
Выбивают колеса простые слова:
Благовещенск — Москва,
Благовещенск — Москва.
(Поезд «Благовещенск — Москва»)*

Ешимов постепенно увлёк часть «огоньковцев», они стали общаться теснее, встречались у него дома, на даче, наладили дружеские отношения с поселками Сургутского района. На мой взгляд это было только на пользу всему объединению. Мы много выступали в школах и библиотеках города, устраивали общегородские мероприятия. Литературно-поэтический вечер в малом зале ДК «Энергетик» собрал большую аудиторию. Было время, когда Ешимов вёл передачу «Сургутский патефон» городской телестудии «Анонс». В телевизионных передачах принимали участие и авторы «Северного огонька».

*Объятья детских рук,
молочный чистый запах:
«Любимый мой, родной,
не покидай меня!»
Но вновь дела зовут на Север и на Запад,
И снова кони ржут, и удила звенят.
(Зов)*

Двадцать пять коротких произведений составили первую книжку Ешимова «Зов»

(1998), изданную в Северо-Сибирском региональном книжном издательстве в Сургуте. Брошюра в мягкой обложке приятного зелёного цвета, карманного формата. Появились подборки в еженедельнике "Литературная Россия", газете «Нефть Приобья» и других.

Заметил Георгия Карожановича и главный редактор газеты «Тюмень Литературная» Николай Денисов. Вторая и третья книги «Дикая вишня» и «Яблочный спас» вышли в 2000 году в литературном агентстве «Московский Парнас». Предисловия к обоим сборникам написал Леонид Ханбеков, с которым сразу установились прочные дружеские отношения. Помню стихотворение «Ледоход» с неожиданно символической концовкой:

*Народ в порту взволнованно шумит,
Свои заботы в море провожая,
И строг природы возрождённый вид,
И дышит речка, быстро оживая.*

*На дальнем берегу рябует лес —
Прокуренными кажется усами...
И уплывают беды в синь небес —
Примерзшие ко льду, как чьи-то сани...*

Что кроме творчества, связывало нас, таких разных по возрасту, предпочтениям, убеждениям, интеллекту, мечтам? Ведь кроме зыбкого ощущения реализации себя как писателя, никакой платы мы не получали. Неужели нас сводило чувство социального сиротства, исподволь задевающее каждого? Север, вековая оторванность от "Большой земли"? Нет, точнее всё таки назвать это чувством товарищества.

Насколько помню, излишества, пьянство, даже курение как-то непроизвольно выталкивались из круга интересов. У членов "Северного огонька" привился своеобразный беззлобный юмор. Случайные посетители, которым не возбранялось присутствовать на встречах, обычно с большим интересом относились к происходящему. Но специфика пристрастного "буквоедства" нравилась далеко не всем. Оставались те, кого спланивала потребность постоянного творческого роста. Оно и понятно, ведь всякий рост связан порой не с самыми приятными, даже возможно мучительными переживаниями. Их бывает трудно осилить в одиночку. А сообща болезнь роста воспринималась незаметно и преодолевалась легче.

Георгий Карожанович на наших глазах стремительно превращался в крепкого поэта. В 2002-м году его приняли в Союз писателей России. К этому времени в "Московском Парнасе" вышли «Открытые проливы», «Влюблённая Югра», «Триумфальные арки»...

Разумеется, Ешимов чувствовал, что его широкомасштабная поэтика вступает в противоречие с характером лирики большинства сургутских начинающих авторов. Иногда его творческие замечания носили несколько запелляционный характер, это наталкивалось на непонимание. По высказыванию Георгия Карожановича, "один раз покрывив душой, можно многое потерять". Поэтому при обсуждении стихотворений на заседаниях литературного объединения он порой воздерживался от детальных рецензий. Однажды я увидел, что, предлагая в произведения одной из поэтесс, он отметил без исключения все моменты, пришедшие в голову и мне. Подумалось: душа не будет болеть за "Северный огонёк", если оставить его на Ешимова...

Сургут не был обделён вниманием писательской организации, из столицы периодически приезжали известные поэты Анатолий Парпара, Юрий Кузнецов, несколько раз приезжал главный редактор «Литературной России» Вячеслав Огрызко. Но отношение серьёзной литературной критики к Сургуту оставалось противоречивым. Нашим стихам уделяли целые страницы и развороты в центральной прессе и в то же время заявляли, что в Сургуте нет поэтов.

Понятно, рассчитывать на успех всероссийской аудитории авторам Нефтяного Приобья

не приходилось. Возможно из-за этого в творчестве Георгия Карожановича возникали нотки отрешённости:

*Я сижу на станции «Юность Комсомольская»,
А вагон мой фирменный ждёт и ждёт меня...
(Юность Комсомольская)*

Но книжки Ешимова, пусть и небольшими тиражами продолжали выходить («Купальские венки», «Ночной разговор», "Обитель души"). Он принимал участие в составлении литературных сборников, сотрудничал с альманахом «Сургут».

В книге избранных стихотворений «Обитель души» (2006) автор сгруппировал произведения по циклам, чтобы облегчить восприятие весьма содержательной лирики. На мой взгляд очень удачным оказался цикл «Запахи детства». В него вошли стихи «Кедр», Тополь и берёзка», «Речки» бесхитростные и светлые.

*Лилий цветущих
белы и туги паруса,
Яхонты блещут —
кувшинок рассветных роса.
Омуты тянут нырнуть —
их таинственна тьма,
Плесь просторные
сводят мальчишек с ума.
(Речки)*

Ешимов не знал возраста, стихи его становились всё живее, мелодичнее, с неожиданными, смелыми рифмами.

*Пока они золото делят
Мы ищем его для страны
И верим, как добрая челядь,
Что кончится час Сатаны.
(Новые и старые)*

После моего отъезда из Сургута он возглавил литературное объединение и с успехом вёл заседания. Был частым гостем в Геронтологическом центре, в посёлке Федоровский. При нём выходили новые книжки Олега Никулина, Александры Лазаревой и Людмилы Премудрых. Сам он выпустил в твёрдой обложке «Югорские строфы», много трудился над сборником «Медведица-Югра», оказавшимся его последней книгой.

У Георгия Карожановича обнаружилась неизлечимая болезнь. Она за год с небольшим свела его в могилу, несмотря на активное лечение самыми современными средствами. Вспоминаю последний телефонный разговор с ним, его бодрый, несмотря на серьёзное положение голос, уверенный отказ от предложения приехать в Санкт-Петербург для обследования. Он, видимо, знал — никакое обследование уже не поможет.

С именем Георгия Карожановича Ешимова у большинства горожан связано только самое доброе. Наверное, пора обсудить вопрос о том, чтобы присудить ему звание "Почётного сургутянина".

("Эринтур", альманах писателей Югры, Ханты-Мансийск, 2016)

Сергей Сметанин